

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ФАЗИЛЬ
ИСКАНДЕР

Сандро из Чегема
Том 2

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И86

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работ художников *Николо Пиросмани* и *Анри Руссо*

Искандер, Фазиль Абдулович.

И86 Сандро из Чегема. Том 2 / Фазиль Искандер. — Москва : Эксмо, 2024. — 576 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-199820-2

«Сандро из Чегема» — главная книга Фазиля Искандера (1929–2016), юмористический солнечный абхазский эпос, плутовской роман, где ярко и мощно проявился неповторимый талант автора, увлекающего нас на великий многоцветный карнавал жизни, радостный, трагический и прекрасный.

Захватывающее повествование о судьбе Сандро, его родственниках, жителях деревни Чегем и даже некоторых вымышленных народностях, в которое однако попали вполне себе реальные исторические личности (Иосиф Сталин, Нестор Лакоба, принц Ольденбургский и другие).

Роман состоит из разных по жанру новелл: драмы, сказки, притчи, детектива.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199820-2

© Искандер Ф.А., наследник, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

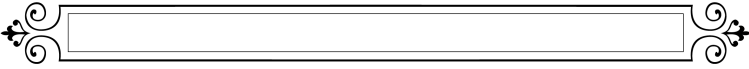
АБХАЗИЯ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ —
ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

- 1 — Встреча Сандро с принцем Ольденбургским
- 2 — Битва на Кодоре с деревянным броневиком
- 3 — Первая встреча Сандро со Сталиным на Нижнечегемской дороге
- 4 — Каштановая роща, которую Сандро продал Самуилу
- 5 — Санаторий, в котором стрелял Лакоба
- 6 — Здесь Махаз выпил кровь Шалико
- 7 — Кедр Баграта
- 8 — Сталин на ловле форели

ХРАНИТЕЛЬ ГОР, или НАРОД ЗНАЕТ СВОИХ ГЕРОЕВ

Мы вчетвером сидели на стволе поваленного бука и курили в ожидании машины. Здесь, на лесной поляне, образованной вырубками, стоял сильный запах свежей древесины. Справа, в конце поляны, виднелось деревянное строение, в котором помещались конторка лесорубов и ларек. Сейчас и то и другое было закрыто.

Возле конторки высились сложенные друг на друга розовые, свежошкуренные бревна. Такие же глыбастые, громадные обрубки были разбросаны по всей поляне. Казалось, их вынесла из леса вода, потом схлынула, а бревна так и осели здесь. На самом деле их сюда приволакивают из леса на тракторах, а уж отсюда везут на машинах вниз, в город.

Два тяжелых грузовика, уже нагруженные, стояли у конторки. Оба шофера вместе с местными сванами ушли домой к одному из них. Шоферы, бывшие местные сваны, теперь живут в городе, и земляки при встрече с ними подвергают их ревнивой застольной проверке.

Это длительное застолье мы сейчас и переживали, сидя на стволе поваленного бука. Мы не боялись, что шоферы напьются, потому что на этих высокогорных дорогах встретить пьяного шофера так же маловероятно, как встретить пьяного лунатика на карнизе высотного дома. Хотя с другой стороны, если установить наблюдение за карнизами высотных домов (а почему бы не установить? — пенсионеры-об-

щественики с удовольствием возьмутся за это), в конце концов, может, и удастся обнаружить пьяного лунатика. Во всяком случае, здесь, на горных дорогах, я пьяных шоферов никогда не встречал. Слегка выпившие иногда попадались, но пьяные — никогда.

Вместе со мной на стволе сидели Котик Шларба, лектор сельскохозяйственного института, художник Андрей Таркилов и его друг из Москвы Володя, тоже художник.

Неделю мы провели на альпийских лугах, а сейчас возвращались в город. Вернее, ребята ехали в город, а я собирался спуститься до нарзанного источника, где должен был встретиться с дядей Сандро. Об этом мы с ним договорились еще в городе.

Сюда, к пастухам, нас пригласил родственник Андрея, заведующий колхозной фермой. Хотя самого заведующего к нашему приезду на месте не оказалось, мы чудесно провели время, может быть, именно потому, что его не оказалось на месте.

Представляю моих спутников в самых сжатых чертах.

Насколько хорош Котик, лучше, чем раньше, стало чувствоваться теперь, когда он стал несколько хуже. А хуже он стал с прошлого года, когда его сделали заведующим кафедрой у себя в институте. С тех пор он стал как-то осторожней, потерял часть своей непосредственности, точнее, установил за своей непосредственностью более строгий контроль. И все-таки он и сейчас парень хоть куда, а разойдется — так и вовсе забываешь, что у себя в институте он заведует кафедрой, одновременно заседая или даже восседая на ней.

По-моему, если человек от природы весел, неглуп, доброжелателен, то его не так-то просто сбить с толку какой-нибудь кафедрой. Конечно, кафедрой можно сбить человека с толку, но для этого нужно время, особенно если речь идет о таком живчике, как наш Котик.

Кстати, забавную вещь о кафедре рассказал мне один симпатичный архитектор. Он был приглашен к одному из министров легкой промышленности для переоборудования его кабинета в более современном стиле.

В обширном и светлом кабинете министра, обставленном тяжелой послевоенной мебелью, его поразили две вещи: вышивки, украшавшие спинку дивана, и трибунка, облицованная облупленной фанеркой. Такая кафедра, по его словам, была бы уместна в красном уголке пожарного депо, а не в кабинете министра.

Наш любознательный архитектор спросил у помощника министра, откуда эти вышивки явно кустарной работы. На это ему помощник ответил, что жена министра решила в связи с общей либерализацией утеплить казенную атмосферу в кабинете мужа. И вот, сказал он, двусмысленно вздохнув, либерализация кончилась, а вышивки остались.

Тогда мой знакомый архитектор очень осторожно решил выяснить у помощника, какой из двух смыслов в его двусмысленном вздохе он лично поддерживает. Тут, к унылому удивлению моего архитектора, оказалось, что помощник министра поддерживает оба смысла, потому что и тот и другой носят осуждающий характер.

Удовлетворив свое любопытство по поводу вышивок, архитектор стал громко выражать недоумение по поводу этой странной трибуны. Тут помощник министра ему разъяснил, что вообще-то она здесь обычно не стоит, но в последние дни она была сюда внесена по случаю того, что министр с ее помощью готовился к докладу.

Тут мой знакомый архитектор еще больше удивился и спросил, зачем министру трибуна, когда с докладом, составленным помощником, он может ознакомиться, сидя за своим обширным и удобным столом.

— Подход к кафедре тоже имеет значение, — сказал помощник и, переводя разговор, стал объяснять, как переоборудовать форточки в кабинете министра легкой промышленности, с тем чтобы они по красоте не уступали форточкам в кабинете другого министра, несколько более тяжелой, хотя и не самой тяжелой промышленности.

Он очень подробно объяснял, как это надо сделать, чем не только удивил, но даже обидел моего знакомого архитектора, известного своими талантливыми работами. По его

словам получалось, что он уже сорок лет делает эти самые форточки и как-нибудь больше в этом понимает, чем оба министра обеих весовых категорий.

Вот о чем мне вспомнилось, когда разговор зашел о кафедре, который я же и завел, впрочем, без всякого злого умысла.

Что сказать об Андрее? Достаточно посмотреть на его картины, когда ему удастся их выставить, как сразу же видишь, что таланта в нем столько, сколько молока в вымени хорошей коровы.

Бойцовский темперамент в его характере сочетается с ужасающей застенчивостью, которую он неизвестно где подцепил. Впрочем, я догадываюсь, откуда это в нем, но скучно было бы все это выяснять и разьяснять. В боксе таких ребят во время спарринговых боев тренеру не приходится горячить. Тем более на ринге.

Надо сказать, что застенчивость его иногда оборачивается невероятной агрессивностью и тогда его невозможно остановить. Обычно он взрывается на проявление хамства, а иногда на то, что кажется хамством его подвыпившей застенчивости.

В последнее время у него был довольно мрачный вид, но здесь, в горах, он сумел сбросить свои заботы и заметно повеселел. Мрачное состояние было вызвано реакцией на его картину, выставленную этой весной в художественном салоне.

Это довольно большое полотно изображало трех мужчин в синих макинтошах, стоявших у моря. В дальней перспективе виднелся призрачный мыс с призрачными, естественно, от большого расстояния контурами новостроек.

Чувствовалось, что художник увидел в изображенных людях какую-то силу зла и в то же время вложил в это изображение долю издевательства, тем самым как бы внушая, что сила зла, воплощенная в этих людях, мнимая. Или само зло мнимое?

Одним словом, впечатление от картины двоилось, трюилось и самой своей множественностью как бы издевалось

над зрителем, внушая ему мысль, что всякое его единственное решение будет неверным и потому глупым. В крайнем случае глуповатым.

А множественное решение обещает быть умным? Судя по всему, художник и такого обещания никому не давал.

Одним словом, в картине была (на мой взгляд, конечно) какая-то тайна, смягченная или, наоборот, осмеянная иронией художника. Так, у одного из троих из-под длинной штанины виднелась часть каблука, слегка напоминающая копыто, но опять же оставалось неясным, то ли дьявола, то ли осла. Возможно, одновременно и то и другое, то есть каблук напоминал дьяволистое копыто осла или ослеющее копыто дьявола.

У другого хотя каблук и не напоминал копыта, но вся нога, по-лошадиному расслабленная (имеется в виду поза задней ноги отдыхающей лошади), грозила в случае необходимости немедленно скопытиться.

У третьего, наоборот, вытянутые ноги кончались фотографически точно изображенными желтыми туфлями с бантиками шнурков, посверкивающими металлическими наконечниками. Ноги были вытянуты и симметрично раздвинуты носками врозь. И хотя они не только не грозили скопытиться в ту или иную сторону, но как бы полностью отрицали всякую идею развития, что-то в них было еще более неприятное, чем в ногах его товарищей. В самой позе и в выражении лиц этих двоих была та солидность, то спокойное ожидание исхода, какое бывает у людей, стоящих на эскалаторе. В данном случае можно было предположить, что это был эскалатор эволюции видов, только движущийся в обратном направлении: вот доедем до парнокопытных, а там и сойдем. Но почему же ноги этого третьего с их великолепными желтыми туфлями казались гораздо хуже? Первый раз с мурашками, пробежавшими по спине, я догадался, что дело в неестественно маленьком размере этих самых туфель. Могут ли ноги карлика удержать это взрослое туловище? И вместе с этим вопросом догадка и мурашки по спине: постой, да не мертвец ли это, поставленный на попа!

Тогда почему у него такое улыбающееся, жизнерадостное лицо? Господи, да не обменялись ли эти трое головами?!

Картина называлась «Трое в синих макинтошах». На все вопросы Андрей морщился по своей привычке или отвечал, что ничего, кроме эффекта перехода цвета темно-синих макинтошей в синь гладковыбритых щек, его в этой вещи не интересовало.

Картина наделала много шуму, и в конце концов ее сняли до закрытия выставки. Впрочем, в нашем городе ее все успели посмотреть. В книге отзывов о ней писали больше, чем о всех остальных картинах, вместе взятых, хотя и среди остальных было несколько хороших полотен.

Большинство отзывов склонялось к тому, что на картине изображены три бюрократа. Честно говоря, я сам склоняюсь так думать, но сказать ему об этом я не решился, поскольку знал, что он может обидеться на такую прямолинейность.

Некоторые отзывы, на мой взгляд наиболее забавные, я тогда же переписал в блокнот. Вот они.

«Три макинтоша». — «Здорово! Здорово! Здорово!» (Следовали три подписи, из чего я заключил, что трое друзей по одному разу воскликнули свою оценку.)

«Так держать!» (Приказал некий сухопутный капитан, но расписался как-то уж слишком неразборчиво. Меня этот сухопутный капитан почему-то всегда раздражал больше всех остальных.)

«Картина хорошая, но почему трое именно в синих макинтошах?» (Страстно допытывалась какая-то женщина.)

Иные писали просто черт-те что. Так, например, выступил представитель народного контроля, вызвавший своим отзывом целый каскад ответных реплик. Он писал: «Если художник имеет в виду заведующих промтоварными складами № 1, № 2, № 3, то дело не в том, что они щеголяют в синих макинтошах, хотя это метко подмечено, а дело в том, что они отпускают дефицитные товары вплоть до джерси. И не надо было им головы маскировать путем обмена. От перестановки слагаемых, как говорится в народе, сумма не меняется».

«Позор товароведу Цурцумия!!!» — бросил кто-то гневную, но совершенно непонятную реплику. Можно было догадаться, что она написана под влиянием предыдущей записи, но, как впоследствии выяснилось, дело было сложнее.

А вот запись молодого представителя рабочего класса:

«...Хорошая картина и правильная. Пока начальники в синих макинтошах прохлаждаются возле моря, стройка стоит и будет стоять. Я сразу узнал очертания Оранжевого мыса и начальника нашего СМУ. Он тот, который в середине, только художник ему другую голову приделал. И это мудро. У гидры бюрократизма отруби одну голову — вырастет другая...»

И подпись и адрес были выведены с полемической отчетливостью.

А вот еще один, последний отрывок из последней записи.

«...Я впервые на периферийной выставке и удивлен. Во-первых, почему каждый пишет что хочет, товарищи? Ведь этим могут воспользоваться те, которые разъезжают под видом туристов? Почему сами не догадались, почему все надо подсказывать, товарищи? Ведь я здесь отдыхаю случайно, хотя, разумеется, не случайно в санатории Министерства тяжелой промышленности. В Москве, например, сейчас на выставках...» Дальше шло описание того, как, по его мнению, теперь устраивают выставки в Москве, но об этом потом. Товарищ из тяжелой промышленности не только отчетливо подписался, но и указал номер комнаты в санатории, где он жил, что могло быть понято как приглашение для более подробной консультации.

Должен сказать, что до этой цитаты шел довольно-таки резкий отзыв о самой картине. Думаю, все это повлияло на то, что случилось позже.

Так или иначе в один прекрасный день в нашей газете прошел слухок, что картина Таркилова кому-то наверху не понравилась, что редактор кому-то уже заказал статью по этому поводу и она появится в газете, как только уедет с Оранжевого мыса один молодой принц из еще более молодого африканского государства.

Сначала никто не понимал, какая тут может быть связь между молодым принцем, отдыхающим на Оранжевом мысе по приглашению нашего местного президента, и нашей выставкой, но потом редактор наш, Автандил Автандилович, нам все объяснил.

Оказывается, принц еще окончательно не выбрал между нашим и американским путем развития своего несовершеннолетнего государства. Иногда он у нас отдыхает, иногда — во Флориде.

Это во-первых. А во-вторых, имелись сведения, что он коллекционирует картины. И хотя точно никто не знал, какого характера работы он выбирает для своих коллекций, было подозрение, что он из молодых, да ранних.

Конечно, было маловероятно, что принц, просыпаясь по утрам, первым делом хватается за нашу местную газету, но все-таки рисковать не стоило, тем более что через неделю он собирался уезжать к себе домой, не говоря о том, что и без этого произошел довольно-таки неприятный случай, из которого, кажется, удалось выкрутиться без особых потерь. Тут я беру тайм-аут и предоставляю слово своему земляку, с тем чтобы он рассказал об этом случае.

Рассказ моего земляка.

Пусть они на меня не обижаются, но у некоторых наших руководителей (местных, конечно) есть плохая привычка.

Чуть появится в наших краях какой-нибудь негритянский деятель, так тот, можно сказать, не успеет с трапа ступить на землю, как они ему говорят:

— А вы знаете, у нас свои негры есть.

В самом деле, у нас с незапамятных времен живут в селе Адзюбжа несколько негритянских семей. Ну, живут и живут. Раньше как-то никто на это внимания не обращал. Даже и теперь неизвестно, когда они к нам попали. Наверное, множество столетий назад. Одним словом, никто не знает.

Не то что о происхождении наших негров, мы о собственном происхождении мало что знаем. Кстати, еще в середине 30-х годов наш знаменитый ученый и писатель Дмитрий Гулиа пытался докопаться до нашего происхождения.

То ли глядя на наших негров из Адзюбжа, то ли по каким-то другим причинам он выдвинул гипотезу об эфиопском происхождении абхазцев. Ну, выдвинул и выдвинул. Да не тут-то было.

Почему-то эта гипотеза сильно не понравилась председателю Совнаркома Абхазии Нестору Лакобе. Вообще-то, несмотря на глухоту, Лакоба был остроумный человек, но эта гипотеза ему не понравилась.

— Сам ты эфиоп, — сказал Лакоба, отрывая слуховую трубку от уха. При этом он даже, говорят, дунул в свою слуховую трубку, как бы ополаскивая ее от нечестивого звука и одновременно намекая, что дважды ополаскивать ее от одной и той же версии не собирается. Разумеется, больше об эфиопской версии нашего происхождения никто не заикался.

А между прочим, уже совсем недавно, когда газеты заpestрели именем несчастного Лумумбы, я подумал: а что, если старик Гулиа был прав? Лумумба — типично абхазская фамилия. Сравните — Агрба, Лакерба, Палба, а рядом далекая, но нашенькая — Лумумба.

Не успел я додумать это интересное научное наблюдение, как в газетах появилось мрачное имя — Чомбе. (Между нами говоря, правильнее было бы сказать Чомба.) И главное, из того же Конго. С точки зрения научной добросовестности, признав Лумумбу нашим, я должен был то же самое сделать и с Чомбе. Но, спрашивается, зачем нам этот мракобес, что, у нас нет своих забот, что ли?

Пришлось, как говорится, довольно основательно наступить на горло собственной песне и оставить развитие эфиопской версии до лучших времен.

Так вот, значит, когда стали появляться в наших краях негритянские деятели из натуральных африканских государств, наши руководители при встрече с ними нет-нет да и не вытерпят, чтобы не сказать:

— А вы знаете, у нас свои негры есть.

Иногда это говорится во время банкета, когда надо поддержать непринужденный разговор на общую тему. Услышав такое сообщение в разгар банкета, некоторые африканские

деятели, особенно из демократов, начинали, говорят, поспешно срывать со своего горла салфетку, понимая эту информацию как приглашение немедленно посетить своих братьев.

— Нет, кушайте, пейте, — спохватывается наш деятель, — я это просто так, к слову сказал.

Ничего себе к слову! Смотрит на приезжего негра, вспоминает про наших и еще говорит, что это просто так, к слову.

Разумеется, не все приезжие негры с такой родственной горячностью откликаются на это сообщение. Более монархически настроенные негритянские деятели, услышав такое, молчат или, что еще хуже, нагло вато выпятив губу, отвечают:

— Ну и что?

— Как ну и что? — теряется наш товарищ, но сказать ничего не может — политика.

А между прочим, все началось с Роя Ройсона. В тот год Рой Ройсон отдыхал в Крыму. Ну отдыхает человек — ничего особенного. Так наши товарищи и туда, в Крым, проникли к Рою Ройсону и передали, что, мол, так и так, у нас с незапамятных времен живут негры.

Но, главное, говорят, спросите, как живут. «Как живут?» — спрашивает Рой Ройсон. А так живут, отвечают наши, что спросишь у них про суд Линча, они только лупают своими глазищами и говорят, что это такое, мы про такие глупости не слыхали. А спросишь про дискриминацию, опять лупают глазами, опять ничего не знают. Вот как у нас живут негры, говорят наши.

«Хорошо, что вы мне это сказали, — отвечает Рой Ройсон, — хотя я и сам догадывался, что если уж негры живут в Советском Союзе, то только так». При этом он как будто обещал, если будет время, заехать в Абхазию и познакомиться с жизнью местных негров.

Наши, конечно, обрадовались и давай мозговать, как получше принять замечательного певца, который, по слухам, прижимая к груди живого голубя мира, с такой нежностью поет негритянскую песню «Слип, май беби», что голубь в самом деле засыпает на глазах у публики. А знаменитый певец с улыбкой смотрит на спящего голубя и, продолжая

держат его на вытянутой ладони, молча, одними глазами умоляет публику аплодисментами не будить спящую птицу. Но благодарная публика с этим никак не соглашается, и голубь во время перехода аплодисментов в овацию вздрагивает и просыпается. Он поворачивает во все стороны свою головку, стараясь вспомнить, где находится.

И вот, осознав, что он среди хороших, простых людей, голубь взлетает с ладони и летит под купол, тем самым лишний раз доказывая, что он живой, а не подделанный.

Этот его коронный номер до сих пор не могут ему простить империалисты всех стран, потому что их певцы повторить его не могут. Они пытались его оклеветать, указывая, что в дыхании певца имеется наркотическое средство, при помощи которого он якобы усыпляет доверчивую птицу. Но авторитетная комиссия, созванная обществом Красный Крест, после тщательной проверки дала заключение, что, к сожалению, ничего подобного нет, что Рой Ройсон исключительно голосом воздействует на эту древнюю музыкальную птицу. Так говорят люди, которые допущены к международной литературе по этому вопросу.

Ну, вот, значит, мозгуют наши, как получше принять знаменитого певца. Среди наших негров выбрали одного подходящего во всех отношениях для такого случая: и живет зажиточно, и семья большая, и на вид справный, не какой-нибудь там мозгляк. К тому же при должности, бригадир табаководческой бригады.

Все хорошо у этого негра, только один минус — нет собственной машины. Что делать? Быстро оформили через Совмин (наш, местный, конечно) новенькую «Волгу» как подарок передовому колхознику.

А между прочим, про то, что Рой Ройсон должен приехать, держали в полном секрете. Зачем раньше времени языками трепать. Просто намекнули, мол, как-нибудь заедем с одним высоким гостем, а кто он, не сказали.

— Хоть с высоким, хоть с низким, — отвечал им этот зажиточный негр, усаживаясь рядом с министерским шофером, — я и так вас принял бы, а теперь буду век благодарить.

— Еще бы, — сказали ему в Совмине, — поезжай и жди.

В общем, все получилось честь честью. Представьте, зеленый абхазский дворик с традиционным грецким орехом посередине, каменный дом на высоких сваях, возле дома новенькая «Волга» с задраенными окнами, чтобы куры не влетали... Вот, мол, хижина нашего дяди Тома, вот его бричка, а вот и он сам.

Кстати говоря, и без всего этого негры, как и все колхозники этого села, достаточно зажиточно живут, но наши-то меры ни в чем не знают, а прикрикнуть на них в этот исторический промежуток оказалось некому.

Одним словом, все оказалось честь честью, да вот беда — Рой Ройсон не приехал. То ли он подумал, что за наших-то негров он спокоен, вот за своих ему надо думать, то ли еще что. Да в сущности, он точного обещания никому не давал, это уж наши тут напреувеличивали.

Одним словом, в один прекрасный день в газетах появилась информация, что Рой Ройсон уехал к себе в Америку, где, по всей вероятности, будет преследоваться, как и прежде.

Наши приуныли. Как быть? Машину подарили, а он возьми и не приедь. А тут, как назло, этот зажиточный негр и вся его черно-белая родня, не говоря о детях, как очумелые шпартят на этой «Волге» и знать не знают о Рое Ройсоне.

Я забыл сказать, что этот негр, как и многие наши негры, был женат на абхазке. Женились-то они издавна на абхазках, но могучие негритянские гены всегда побеждали и упорно давали черное потомство. Правда, в последние годы то ли под влиянием радиации, то ли еще что, но негритянские гены, между нами говоря, стали не те. Осечку дают. Нет-нет да и появится смуглячок. Но распределяются они неравномерно. То идут сплошняком черненькие, а там, глядишь, и смуглячок появляется. А то наоборот.

А в одной семье, где мать была чистокровная абхазка, а отец — негр, родился мальчик ну совершенно белый, как козленок. Отец ребенка, думая, что он мнимый отец, пришел в ярость и, схватив двустволку, ринулся в комнату, где лежала жена со своим ребенком. Между прочим, после

родов она довольно долго пролежала в больнице. Одни говорят, осложнения, другие — мужа боялась, ждала, может, ребенок потемнеет.

Но ребенок потемнеть не собирался, и вот, значит, муж схватил двустволку и ринулся в комнату, где лежала жена со своим ребенком. Но тут на него навалились все, кто мог, с тем чтобы удержать его от рокового шага. Он даже в дом не смог пройти, потому что двустволку он вынес из кухни, а кухня, как у нас принято, отдельно от дома расположена.

— Даже если это было, при чем ребенок?! — кричали ему, заламывая руку с ружьем и одновременно пытаясь его «стреножить». Очень здоровый был этот негр, и тем более ему было обидно.

— Ребенок ни при чем! — отвечал он сквозь зубы. — Я ее пристрелю как собаку!

Они решили, что раз он схватил двустволку, значит, обязательно собирается убивать обоих, что было не совсем верно.

Одним словом, шум стоял ужасный. А тут еще стали вмешиваться те, что забрались на веранду, чтобы удобней было наблюдать за потасовкой и быть подальше от шальной пули.

— Пропускайте веревку между ног! — кричат одни.

— Наступайте ему на живот! — советуют другие. Им было хорошо советы бросать. А тем, которые взялись скрутить этого могучего негра, обидно, и они им говорят:

— Спускайтесь сюда, если вы такие умные!

Те знай кричат свое, а спускаться и не думают. Недаром великий Руставели про таких когда-то сказал:

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека».

А между прочим, в это время возле роженицы сидели женщины и все время заводили проигрыватель с долгоиграющей пластинкой, чтобы она не слышала скандала. Молодая мать сначала терпела, но потом не выдержала.

— Дорогие родственницы, — сказала она, — или идите играть в другую комнату, или у меня молоко испортится.

— Лучше мы выключим совсем, — сказали женщины и остановили пластинку.

Вообще в нашем районе долгоиграющие пластинки не уважают, особенно оперы. Правда, покупают, потому что они довольно дешево обходятся.

И тут женщины, остановив пластинку, вынуждены были рассказать молодой матери про ее мужа.

— Впустите, докажу, — оказывается, сказала она и, быстро приубрав кровать, присела на ней.

Женщины побежали во двор и все рассказали.

— Хорошо, — согласился этот негр и, бросив двустволку, выбрался из веревок.

Опять поднялся шум, потому что всем было интересно посмотреть, как она ему будет доказывать. А между прочим, те, кто, ничего не делая, с веранды наблюдал за происходящим, опять оказались в лучшем положении, чем те, кто, рискуя жизнью, связывал ревнивца. Вот вам и справедливость.

Значит, в дом набилось человек сто, а то и больше. Правда, в комнату роженицы вошло человек десять. Остальных не пустили.

— Слушайте из зала, — сказали им, — оттуда все слышно.

Но оттуда ничего не было слышно, и они стали подозревать, что их обманули.

— Почему в тишине ничего не раздается? — спрашивали они друг у друга, ничего не понимая.

— Потому что она ничего не говорит, — наконец ответил тот, что стоял у самых дверей и кое-что видел.

В самом деле, оказывается, в это время молодая мать, глядя на мужа, молча разбинтовывала пеленки на своем младенце. А отец стоит у дверей и только прожекторами полыхает: мол, посмотрим, что ты этим докажешь.

Откинув пеленки, она выставляет на ладонях шевелящееся дитя. Между прочим, кверху спинкой, но никто ничего не понимает.

Только мать этого негра все поняла, потому что мать, дорогие товарищи, она всегда остается матерью.

Это была старая, уважаемая всеми негритянка, потому что с большим мастерством гадала на фасоли. Ее так и называли — «Метательница фасоли». Метнет на стол горсть